

Благодарности

Я был счастлив в течение двадцати лет своей психотерапевтической практики работать со многими учителями, наставниками, коллегами, терапевтами, пациентами и друзьями — людьми творческими, в высшей степени профессиональными и несущими заряд созидательной энергии. Я многому научился у этих людей, однако считаю неверным и непрофессиональным шагом перечислять здесь их имена. Был у меня и гораздо менее успешный опыт работы с другими учителями, супервизорами и терапевтами. Я потерпел неудачу в работе с некоторыми моими пациентами и студентами. Однако я многому научился и приобрел опыт и зрелость благодаря работе с ними.

Тем не менее, я рад выразить свою благодарность за помощь, которую получил от многих моих друзей за время пребывания в Мехико Сити. Я хотел бы поблагодарить Дэвида и Ровенну Резникофф, Густаво Фуэнтеса и Хермению Лоза, Мануэля Акуну, Грегорио Фритца, Манлио Гуэрреро, Маргариту Гуитарт Падилла, Мойзеса Риуэру Ортиза, Кена Дэви, Джорджа Браво Сото и Лауру Кортес. Я также признателен за дружбу моим психодраматическим “кузёну” и “кузине” Юйо Белло и Джейм Винклер и их студентам из Escuela Mexicana de Psicodrama y Sociodrama.

Я хотел бы выразить особую благодарность моим родителям, которые помогли мне организовать визит в Мексику, Эдвине Велхэм, моему редактору из издательства “Тевисток/Рутледж”, за то, что она безгранично поддерживала и ободряла меня с самого начала этого проекта, а также поблагодарить Universidad de las Americas A.C. в Мехико Сити, который создал мне все условия для работы на компьютере, когда я в этом особенно нуждался.

Замечание

Я — мужчина-психодраматист, и в этой книге мною описана психодраматическая сессия с протагонистом-мужчиной. Поэтому на протяжении всей книги я использую по умолчанию мужской род, если только из контекста не следует, что разговор идет о женщине. Однако это равным счетом ничего не значит, потому что в этой стране большинство психотерапевтов — женщины.

Я хотел бы принести благодарность за разрешение использовать в своей книге следующий материал: “Beacon House, Inc.” за работы Дж.Л. Морено и рис.11.4; Э. Голдман и Д. Моррисона за рис.3.1; Д.Х. Мэлана за рис.3.2; “Yaffa Character Licensing” за рис.3.3; а также поэтессе М.Е. за ее поэму “Роли?”.

1. Введение

ПСИХОДРАМА И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Группа

Джордж пришел с опозданием, запыхавшийся, с покрасневшим лицом. Группа уже была готова начать сессию с минуты на минуту. Тельма нашла ему чашку кофе, которую он с благодарностью принял.

— Вы когда-нибудь опоздаете на свои похороны, — сказала Джойс, а затем добавила: — Хотя по крайней мере эту неделю вы приходите вовремя, к началу работы группы.

Ее прервала Мери:

— Ох, оставьте его в покое, Джордж всегда пытается быть здесь вовремя.

— Так пусть он старается получше. Я не люблю, когда люди приходят после того, как мы начали работать.

Все остальные повернулись в их сторону. Подобные стычки в начале сессии стали приобретать завидную регулярность.

Пол, лидер группы, вышел в “кофейную комнату” из своего кабинета, где у него только что закончилась оживленная и несколько напряженная дискуссия с Томом (его коллегой из Службы социальной защиты), впрочем, никак не связанная с работой психодраматической группы.

Пол предложил всем перейти в “театр”, самую большую комнату в доме викторианского стиля, где располагалась его клиника. Чашечки с кофе быстро опустели, и вся группа потянулась наверх по лестнице. Дебби бросилась в туалет. Она знала, что предстоит долгий вечер.

Группа встречалась каждую неделю уже восемь месяцев. Участники присоединились к ней по разным причинам. Джойс, привлекательная женщина средних лет, пребывала в депрессии после очередного крушения личных отношений. Годы уходили, и она приближалась к тому возрасту, после которого уже вряд ли могла стать матерью. Семейный доктор Джойс предложил ей пройти курс терапии. Джоан узнала о психодраме через друзей. Дэвид, преуспевающий адвокат, присоединился к группе, чтобы работать над проблемами, которые возникали у него всякий раз, как он решался на более близкие взаимоотношения с людьми. Что касается Дебби, то она пришла для того, чтобы больше узнать о психодраме. Ее дети подрастали и покидали дом, и теперь она интересовалась возможностью стать психодраматистом. Все члены группы надеялись, что в совместной работе им удастся улучшить свою жизнь, но каким образом это произойдет, представляли себе далеко не все.

Группа была “полузакрытой”, ее члены по договоренности присоединялись к работе на цикл из двенадцати сессий. Новые участники могли влиться в группу в начале очередного цикла. Поначалу группа состояла из десяти человек, но после трех сессий ее покинул Рой, беспокойный молодой человек, не имеющий работы. Он сказал: “Психодрама не для меня. Она меня пугает”. Джейн, мать-одиночка, покинула группу после первого цикла, так как не смогла найти няню для своих маленьких детей. На второй цикл в группе осталось восемь человек, а на третий цикл пришел Джордж. Он хотел поработать над затруднениями, возникавшими у него на работе и в семье. Временами он вызывал раздражение других участников группы, и каждый его приход оказывал заметное воздействие на групповую динамику.

Группа села кругом в “театре”, комфортабельной комнате с обилием подушек. Стулья уже были расставлены для работы, но несколько игрушек, которые Пол использовал при работе с детьми, еще были разбросаны по комнате. Пока все ждали Дебби, завязался вялый разговор о том, как эту неделю чувствовала себя Тельма после своей психодрамы, прошедшей на прошлой сессии. Наконец подошла Дебби, и Пол обвел глазами группу.

В наступившей тишине ощущалась какая-то скрытая напряженность, наполнившая комнату. Это вполне соответствовало его настроению после спора с Томом. Люди утомились, вечер близился к концу, и погода во дворе была отвратительной. Группе не хватало энергии, никто не проявлял желания “поработать”. Сам Пол ощущал усталость и нехватку творческих сил (неделя выдалась “слишком долгой”). Проанализировав свои впечатления, он пришел к выводу, что никто не чувствует себя готовым стать в этот вечер протагонистом.

Требовалось больше энергии, и Пол решил провести веселый разогрев. Он попросил группу вспомнить какую-нибудь игрушку из своего детства и, войдя в эту роль, пройтись по комнате. Тельма сразу же принялась сосать большой палец, повиснув на воображаемой лиане, а Питер двинулся вокруг комнаты, изображая игрушечный паровоз. Он двигал руками, как поршнями, и время от времени издавал паровозный гудок: “Ту-у-у!”

Дебби прыгала по всей комнате, приговаривая: “Я Тигра! Я Тигра!”

Все это время ни Дэвид, ни Джордж не вступали в игру, стоя рядом в углу комнаты. Затем Пол попросил “игрушки” пообщаться между собой, и Тигра тут же бросилась на обоих стоящих мужчин и принялась их мягко подталкивать. Спустя мгновение Дэвид превратился в машину и принялся стремительно ездить по комнате, громко “бибикая”, неожиданно тормозя и лишь чудом не наезжая на другие “игрушки”. Джордж все еще оставался скованным и напряженным, однако его тело стало медленно поворачиваться на пятках. Пол понял, что Джордж уже вошел в роль игрушки. Спустя некоторое время группа выглядела куда более ожив-

ленной; комната наполнилась смехом и улыбками — игрушки общались друг с другом, и перевоплощенные люди становились более расслабленными и экстравагантными.

Пол произнес:

— Давайте остановимся!

Группа прекратила веселую возню и расположилась вокруг него.

— Кто-нибудь хочет рассказать о своей игрушке?

Первой нарушила молчание Дебби:

— Да. Я была Тигрой из книжки про Винни-Пуха. Мне ее подарили родители, когда мне было около четырех лет. Я все еще храню ее, хотя она уже изрядно потрепана.

В разговор вступила Тельма:

— Я была тряпичной куклой, с которой я обычно спала в детстве. Даже не знаю, что случилось с ней потом. Думаю, что моя мать выбросила ее, когда она совсем износилась.

Один за другим присутствующие говорили о своих игрушках, а на вопросы, “потерялись ли эти куклы” и “скучают ли они по своим куклам”, обычно отвечали: “Это так. Но теперь я очень бережно отношусь к игрушкам своих детей”.

Даже Джордж, всю игру остававшийся скованным и напряженным, поделился со всеми воспоминаниями о своем деревянном солдатики:

— В таком щеголеватом красном мундире он выглядел очень гордым и сильным.

— Хорошо. Хочет кто-нибудь исследовать свои игрушки и воспоминания, которые они в вас будят?

Никакой реакции. Извечный кошмар директора психодрамы. Сессия, и никто не готов или не желает стать протагонистом.

Внешний мир внутри и внутренний мир снаружи

Эти слова — настоящий, но слишком длинный для книги заголовок — суммируют те идеи, которые я предлагаю рассмотреть в последующих главах. Для объяснения того, как внутренний мир индивидуальности происходит от опыта мира внешнего, будет использована психоаналитическая модель теории объектных отношений, а отчет об одной психодраматической сессии послужит примером тому, как внутренний мир может быть экстернализован — в жизни и в психотерапии.

Личное вступление

Эта книга — результат моей попытки понять и обобщить свой собственный опыт (как пациента и как терапевта) двух очень различных форм психотерапии: психодрамы и психоаналитической психотерапии.

Моя первая встреча с психоаналитической терапией произошла задолго до того, как я стал психиатром и психотерапевтом. Еще будучи сту-

дентом, я пошел на прием к врачу из студенческой медицинской службы. Он направил меня в психоаналитическую группу, пытаясь помочь мне решить некоторые личностные конфликты, ставшие причиной моей депрессии. Мой опыт посещения аналитических групп и индивидуального психоанализа продолжался (с перерывами) в течение последующих пятнадцати лет. И за все это время некоторые вещи так и остались неизменными!

Позже я проходил обучение по специализации психотерапевта-аналитика, что было результатом моего положительного опыта участия в терапевтическом процессе. Впрочем, такой путь к профессии психотерапевта вряд ли можно назвать необычным.

Что же касается моего первого непосредственного контакта с психодрамой, то он был почти случайным, что, вероятно, вполне соответствует духу терапии, в которой спонтанности придается столь большое значение. Я искал, чем бы занять недельный отпуск, когда мне на глаза попало объявление о психодраматических курсах в Холвелл-центре в Девоне, которые проводила Марша Карп (впоследствии она стала моим тренером).

Я припомнил, что несколько лет назад получил по почте ранний вариант первой книги Адама Блатнера “Отыгрывание внутри (Acting-in)”. (В то время это была копия документа, частным образом опубликованного под заголовком “Психодрама, ролевая игра и методы действия” (Blatner, 1970).) Книга показалась мне интересной, но с тех пор я больше не соприкасался с психодрамой.

И вот теперь, с трепетом и волнением, я приехал в Холвелл-центр, разместившийся в фермерском доме, в поросшей вереском местности северного Девона. Именно здесь мне было суждено впервые ощутить вкус настоящей психодрамы.

Эта неделя стала для меня открытием. Я наслаждался атмосферой центра, юмором и теплотой, которые сопровождали каждую сессию. Мне нравилось, что психодрама не стремилась ставить диагнозы и вешать ярлыки, а ее театральность напомнила мне те годы, когда я, еще будучи студентом, руководил драматическим кружком, вместо того чтобы исследовать функционирование коры головного мозга кроликов, не вылезая из своей лаборатории. Я действительно получал удовольствие от своей театральной деятельности, от присущей ей сложной системы человеческих взаимоотношений, что и подтолкнуло меня за несколько лет до этого оставить нейрофизиологическую лабораторию и вновь вернуться к изучению медицины.

Сначала я обучался индивидуальной психоаналитической психотерапии, работая в то же время психиатром в госпитале Моудсли в Лондоне. Впоследствии я приобрел навыки психодраматиста. Эти две формы психотерапии, как мне казалось, принадлежат к абсолютно разным лагерям, как по своей философии, так и по теоретическим и практическим взглядам. Видимо, поэтому в течение нескольких лет я применял их изолиро-

ванно друг от друга. А может быть, я просто посчитал, что так легче и удобнее следовать советам и инструкциям моих столь разных учителей и наставников.

Аналитическая психотерапия не допускает таких действий, как взаимные прикосновения пациента и аналитика в процессе работы или установление между ними дружеских отношений. Подобное поведение называется *отыгрыванием* (*acting-out*) и считается непродуктивным для терапевтического процесса (Sandler et al., 1973).

Как молодой профессионал, я ценил безопасность, которую представляли мне правила, регламентировавшие отношения “пациент-терапевт”: они вполне подходили как для моей практики врача, так и для работы психиатра. Кроме того, психоанализ предложил мне хорошо разработанную концепцию психологии разума и эмоциональных нарушений, ясность и логичность которой привлекала меня как нейропсихолога со сложившимся мировоззрением.

С другой стороны была психодрама, драматичная по самой своей природе. В ней поощряются действие и движение. В самом деле, статичную психодраматическую сессию, в которой преобладают разговоры, можно считать неудачной. Я наслаждался волнением драмы. Между членами группы могли беспрепятственно развиваться человеческие отношения. Я считал такую открытость полезной и поддерживающей.

Вряд ли теперь может показаться удивительным мое стремление изолировать в своей клинической практике эти два мощных вида терапии.

Долгое время я считал себя в первую очередь психиатром и психотерапевтом аналитической ориентации. Психодрама снабжала меня пищей для личностного развития и новых терапевтических идей, и я даже проводил психодраматическую работу с группами молодежи в одной из клиник (Holmes, 1984, 1987). Однако настал момент, когда я решил получить серьезные навыки психодраматиста у Марши Карп и ее мужа, Кена Спрага. В теории и практике Марша была последовательницей своих учителей, Дж.Л. Морено и Зерки Морено (вероятно, она также испытывала некоторое влияние Карла Роджерса).

Здесь, в Холвелл-центре, разговоров о теориях психоанализа было немного. Действительно, Дж.Л. Морено был глубоким антагонистом по отношению к З. Фрейду, его последователям и большинству его теорий. Такое отношение к психоанализу разделяло множество его учеников, и это сразу бросалось в глаза.

Пока я проходил практику в качестве психодраматиста, во мне окрепла вера в силу техник и методов психодрамы. Тем не менее, мое понимание метапсихологических теорий Морено оставляло желать лучшего. Я оставался психоаналитиком, которому довелось вести психодраматическую группу.

Со временем я открыл, что многие мои психоаналитические навыки и знания весьма полезны в моей клинической практике в качестве ведущего психодрамы. Я также обнаружил, что в моей клинической работе

произошел значительный философский сдвиг в сторону гуманистического (а не исключительно медицинского) подхода к процессу лечения. Словом, все больше и больше вырисовывалась необходимость развития собственного интегрированного взгляда на психодраму и психоанализ.

Я с удовольствием и не без удивления обнаружил, что мои тренеры, коллеги и друзья по психодраматическому движению поддерживали меня в этом. Сейчас я чувствую свои обязательства перед теорией и клинической практикой обоих терапевтических лагерей, и поэтому, когда предоставляется удобная возможность, работаю и как индивидуальный терапевт-психоаналитик, и как психодраматист.

Эту книгу можно назвать одним из следствий той самой частной поездки.

Постскрипtum

Читатель удивится, найдя постскрипtum в самом начале книги. Ну что ж, психодрама по своей природе склонна к неожиданностям.

Эта книга была написана в Мехико, в тот период, когда я был лишен регулярных контактов с британской психодрамой. Вернувшись в Британию, я перечитал окончательный вариант рукописи и вновь пришел к выводу, что представленные в ней теории охватывают лишь небольшую часть имеющегося богатства психодраматических процессов.

Книга отражает мой вполне конкретный и, может быть, порой над-рациональный подход к пониманию психики. К примеру, в тексте можно найти лишь намеки на применение символизма и мифов в психодраме и на те аспекты межличностных отношений, которые существуют в любой группе и напоминают глубокие, но мощные подводные течения. На самом деле все это важные стороны магии психодрамы, которые нельзя игнорировать, если рассматриваешь весь процесс в целом.

Фрейд и Морено: два венских врача

И Фрейд и Морено обучались медицине в Вене. Фрейд стал неврологом и в первое время публиковал свои исследования в области нейрпатологии. Его творение, психоанализ, своими корнями уходит в биологический и органический взгляд на природу человека. Впрочем, кое-кто постоянно утверждает, что научная позиция Фрейда является лишь результатом хорошей работы переводчиков его трудов на английский.

Психодрама и социодрама, созданные Морено, принадлежат к совершенно иной области философии, к экзистенциальным школам психотерапии и человеческих отношений (Moreno, 1959:207—17).

На Морено оказали большое влияние взгляды философа и теолога Мартина Бубера, утверждавшего, что для того чтобы преодолеть чувство отчуждения, акцент должен быть сделан на отношения “Я — Ты”, а не на связь “Я — Он”.

“Все — например, дерево или кошачьи глаза, — может принадлежать к “Ты”, так же как для нас любой может быть “Оно”. Что-то фигурирует как “Оно”, когда рассматривается, к примеру, исключительно как объект восприятия, обладающего свойствами, которые, как считается, отделены от нас самих. Эта же фигура есть “Ты”, когда она “должна что-то делать со мной”, в двойном ощущении, что я важен для ее существования, как и она — для моего. Субъект, оторванный от своего объекта, оторван от реальности”.

“Экзистенциализм” (Cooper, 1990:34)

Созданные Фрейдом и Морено школы психотерапии, каждая со своей мета-психологией, имеют совершенно различные стили. Малькольм Пайнс, следуя за идеями Ницше, видит Фрейда в образе Аполлона, а Морено — в роли Диониса:

“В греческой мифологии Аполлон — бог расстояния, пространства, объективности и иронии. Аполлон пускает свою стрелу издалека. Он символизирует знание, освобожденное от рабства Воли. Дионис, Пан... приносит из своих азиатских источников сверхизобилие творческой энергии для прославления жизни, что ведет к желанию разрушать, для того чтобы осуществлять изменения... Таким образом, Аполлон стремится к единству внутри классических рамок... На другом полюсе Дионис, вечно окруженный вакхической толпой и несущий катартическое освобождение от подавления индивидуальности”.

“Психоанализ, психодрама и групповая психотерапия: пасынки Вены” (Pines, 1987:16—17)

Интеграция подходов Аполлона и Диониса в психотерапии, предложенная в этой книге, не означает простое равенство в применении обеих терапевтических школ. Используемые во время сессии техники взяты из психодрамы, а теоретическое понимание процесса в целом является производным от теории объектных отношений, развитой на основе классической психоаналитической теории Фрейда.

Давайте теперь рассмотрим по отдельности психодраму и теорию объектных отношений.

Что же такое психодрама?

Дж.Л. Морено определил психодраму так:

“Наука, которая исследует “истину” драматическими методами. Она имеет дело с межличностными отношениями и частными мирами”.

“Кто спасется?” (Moreno, 1953:81)

Зерка Морено (вдова Морено и соавтор современной психодрамы) описывает психодраму как процесс, в котором вы можете исследовать жизнь, подвергая себя риску без страха наказания.

Это форма групповой психотерапии, в которой техника наполнена действием. Члены группы не сидят в кругу на стульях, обсуждая жизнь и собственные проблемы. Жизнь приносится в комнату и драматически разыгрывается участниками группы, распределившими между собой роли в этой драме. Происходящее действие разнообразно, живо и наполнено весельем. Для решения проблемы используются креативность и спонтанность группы.

Лидера группы или терапевта принято называть “директором”, поскольку психодрама представляет собой драматическую форму терапии. Она использует традиции и язык театра; группа работает в “психодраматическом театре”. В этом театре есть сцена, в идеале подсвеченная лампами, которые могут изменять цвет, яркость, а при необходимости выключаться. Иногда группа превращается в зрителей, иногда — в актеров, играющих полученные роли. Места для сиденья, роль которых часто выполняют обычные диванные подушки, “разбросаны” по комнате. Здесь не применяют настоящих театральных декораций, а весь реквизит состоит из нескольких жестких стульев, ящиков, одеял и того, что в нужную минуту попадет под руку.

В начале двадцатых годов, в Вене, Дж. Л. Морено создал свой “Театр спонтанности”, который стал предтечей психодрамы. Морено опубликовал отчет об этом проекте, сначала анонимно в 1923 году, а затем под своим именем в Англии (Морено, 1947). Он спроектировал сцену, которая отвечала бы целям его театра. Эта сцена никогда не была построена, и юридические битвы за право авторства стали одним из наиболее громких скандалов, связанных с именем Морено. Любопытные описания этого конфликта можно найти в его биографии, написанной Рене Мариню, и в автобиографии самого Морено (Marineau, 1989:82; Moreno, 1989:77).

В 1925 году Морено покинул Европу и в поисках новой жизни переехал в Соединенные Штаты. Однако лишь в 1936 году он, наконец, построил сцену для психодрамы в театре, который располагался в его собственном госпитале, Санатории Бэкон Хилл, штат Нью-Йорк. Эта сцена была не столь грандиозна, но более практична, чем предыдущая, времен венских планов. Тем не менее, некоторые из оригинальных находок были спасены и нашли здесь свое воплощение. Театр был сконструирован таким образом, чтобы каждый на равных мог принимать участие в действии (это основной аспект взглядов Морено на театр и терапию), а сцена имела несколько уровней, которые могли быть использованы, помимо прочего, для репрезентации разных состояний из жизни протагониста, как зал суда с местом для судьи (верхний уровень), а также для изображения Небес и Преисподней.

Мои психодраматические “театры” (или площадки) всегда были более земными, без роскоши стационарной многоярусной сцены. Обычно моя работа происходила в образовательных учреждениях, в комнатах, заставленных обыкновенной мебелью, или в обстановке, оставшейся после больничного обеда. Группа, описанная в этой книге, собиралась в моем офисе, который располагался в одной из детских клиник Лондона. Эта комната имела свои характерные особенности и, несмотря на солидность и викторианский стиль, почти никогда не использовалась как театральное помещение, за исключением разве что психодраматических сессий. Тогда безопасная “клиническая сущность” комнаты преобразовывалась тем волшебным процессом, который совершался в ее четырех стенах. То, что создавалось здесь с помощью стульев, деревянных табуреток и кафедры, было просто восхитительно. Даже на Небеса можно было попасть, для этого требовалось лишь встать на перевернутый ящик. Магия творческого процесса, захватывавшего группу, создавала здесь настоящий “театр”, в котором и разворачивалось действие.

Обычно в психодраме не бывает формальных зрителей; любой член группы может стать активным участником драмы, перейдя от роли наблюдателя к центральной роли протагониста, “основного действующего лица драмы... ведущего исполнителя” (*Краткий Оксфордский словарь*, 1990). Психодрама — это форма групповой психотерапии, которая не может допустить пассивного наблюдения. Эмоциональная энергия, креативность и честность драмы способны вовлечь в нее любого, кто следит за ее развитием.

Эта книга не ставит своей целью предложить вам описание классической психодрамы, по крайней мере, не более, чем это будет делаться в начале каждой главы. Разворачивающиеся во время сессии события — не более чем компиляция, созданная мною на основе большого опыта работы с разными группами. Я действительно работал с психодраматической группой в своем офисе в Лондоне, однако это были другие люди. Все описанные здесь события действительно происходили в разных группах, а детали были заботливо перемешаны автором. Думаю, что единственным человеком, которого можно распознать, остаюсь только я; в то же время надеюсь, что предложенный здесь отчет опытному психодраматисту может представиться реально возможным.

Я осознаю, что у многих, и особенно у тех, чья практика принадлежит к области аналитической психотерапии, возникнут вопросы по поводу моего понимания и интерпретации описанных в этой книге событий, а также и их психологической значимости. Такие вопросы могли бы инициировать продуктивный диалог между школами Фрейда и Морено.

Превосходные психодраматические отчеты вышли из-под пера многих авторов (см. библиографию психодрамы в конце этой книги). И все же чтение — это одно, а опыт — совсем другое. Описания психодраматических сессий никогда не смогут дать реальное представление обо всех особенностях этой мощной терапевтической техники. Если вы уже на-

слышаны о психодраме, но искренне желаете знать о ней больше, вам будет просто необходимо присоединиться к психодраматической группе и ощутить на себе магию этого процесса.

Так что же такое теория объектных отношений?

Теория объектных отношений — это психология разума, развитая известными последователями Фрейда: в Британии это Мелани Кляйн, В.Р.Д. Фейрберн, Д.В. Винникотт, Гарри Гантрип и Джон Боулби (и не только), в Соединенных Штатах ее развивали такие психоаналитики, как Отто Кернберг.

Их теории рассматриваются в свете воздействия индивидуальных отношений человека с внешним миром на его внутренний психический мир. Психика и личность представляются, в частности, как результат связей людей с внешним миром, которые запоминаются, или интернализуются, разумом в виде “объектных отношений”. В этой связи детство рассматривается как период наиболее активного становления личности, хотя внутренние объектные отношения могут быть изменены и в зрелом возрасте с помощью, скажем, психотерапии или глубокого жизненного переживания иного рода.

Термин “объект” используется в этой теории применительно к людям (или частям их тела), с которыми человек вступает в отношения во внешнем мире, а также к внутренним, психическим “объектам” или представлениям, которые создаются человеческим разумом на основе этих отношений.

В книге описаны способы исследования объектных отношений с помощью терапевтических техник психодрамы. В описании разогрева, с которого началась эта глава, мы уже встретились, пока лишь косвенно, с двумя внутренними объектами членов группы: с отцом Джорджа (который подарил ему игрушечного солдата) и с матерью Тельмы (которая выбросила ее тряпичную куклу). Эти объекты, или психические представления других людей, существуют в разуме человека, находясь в отношениях с представлением человека о себе (самопредставлением). Доступ к этим объектным отношениям (или память о них) в терапевтической обстановке был достигнут через символы, связанные с воспоминаниями об игрушках.

В этой книге предложена модель внутреннего мира, которая основана на теоретических разработках многих психоаналитиков, не повторяющих друг друга. На самом деле дебаты между теоретиками по этому вопросу все еще продолжаются, что пока так и не привело к какой-либо ясности. Психоаналитики Джозеф Сандлер и Анна-Мария Сандлер в работе “О развитии объектных отношений и аффектов” утверждают:

“Предмет обсуждения нелегок, поскольку психоаналитическая теория объектных отношений далеко не удовлетворительна, и

наша теория аффектов в лучшем случае находится в состоянии здорового и конструктивного хаоса”.

(Сандлер и Сандлер, 1978:285)

Дж.Л. Морено и психоаналитическая теория

В центре внимания этой книги находится применение психоаналитических теорий к терапевтической технике психодрамы. Помимо прочего, это может быть полезно в дальнейшем для рассмотрения позиции Морено, поскольку его отношение к психоанализу самым глубоким образом повлияло на развитие психодрамы. Более того, важные аспекты его философии остаются крайне значимыми, по крайней мере, в моей психотерапевтической практике.

Существовавший между Морено и Фрейдом антагонизм, имевший как философскую, так и личностную основу, послужил для Морено препятствием для глубоких разработок психоаналитической теории, которые были осуществлены преемниками Фрейда. Подобное отношение к психоанализу было характерно для целого ряда психодраматистов, особенно в англоговорящих странах, что препятствовало той выгоде, которую психоаналитические теории могли бы принести психодраме (Blatner and Blatner, 1988). В то же время многие психодраматисты Франции, Бразилии, Аргентины, Мексики и ряда других стран долгое время работали над тем, чтобы творчески объединить идеи Фрейда и Морено.

С другой стороны, гораздо больше психоаналитиков могли бы ощутить терапевтическую силу и творческое обаяние психодрамы, не будь Морено столь сложной (несмотря на всю свою гениальность) личностью. Стиль опубликованных Морено работ также не способствовал их пониманию. Его книги порой отличались бессвязностью, не обладали внутренней логикой и временами были просто наивны, и это составляло действительно большую проблему, которая оттолкнула от его трудов многих потенциальных читателей, принадлежащих к другим терапевтическим школам.

В своей автобиографии Морено очень прямо выражал свое отношение к одному из сторон своего конфликта с Фрейдом. Он писал:

“Я понял позже, что мой спор был... не с фрейдовской психоаналитической системой. Мой спор был с [его] поведением как терапевтического “актера”. Я не думал, что великий целитель или терапевт мог бы иметь подобные взгляды или действовать так, как Фрейд. Я представлял себе целителя как спонтанного, креативного протагониста в центре группы”.

“Автобиография” (Moreno, 1989:62)

Морено верил во взаимность встречи* между целителем и больным, в отношения, которые должны быть наполнены возможностью творчества и спонтанностью. Он не признавал классическую медицинскую модель по Фрейду, требовавшую, чтобы врач располагал своего пациента

“...на кушетке в пассивном горизонтальном положении; аналитик занимает место за пациентом, чтобы оставаться невидимым и избежать взаимодействия... Пациент сообщает, что протекает через его разум. Переносу (трансферу) пациента по отношению к аналитику не позволяется расширяться и перерасти в реальную, двустороннюю встречу... Из-за этого сама жизнь была изгнана из комнаты, и процесс лечения принимал форму боксирования с тенью”.

“Психодрама Зигмунда Фрейда” (Moreno, 1967:11)

Морено интересовало “столкновение”**, которое происходило между личностями. Я сомневаюсь, что он допустил бы использование слова “объект” для описания реальных людей. У меня есть свое мнение по поводу этого термина. Как кто-нибудь может называть моих отца или мать объектами? Однако в применении этого и других терминов есть определенная логика, и я буду использовать их в книге.

Это не единственное возражение, которое высказывал Морено против аналитической системы Фрейда. Он писал:

“Психоаналитическая система, наряду с другими аналитическими системами, идущими с ней в ногу, имеет тенденцию связывать источники жизни с бедствиями. Ключевая концепция фрейдистской системы — это либидо, но Фрейд, вместо того чтобы связать секс с произвольностью, объединил его с тревогой, отсутствием безопасности, отреагированием, фрустрациями и замещением. Его система проявляет сильную склонность к негативному... Это был не участник сексуального действия, не его разогрев, ведущий к оргазму, это была не сексуальная связь и взаимодействие двоих в своем позитивном раскрытии, а скорее ошибка секса, его отклонение и смещение; не норма, а скорее патология, которой он уделял внимание”.

(Moreno, 1967:9)

Цитата приведена из выступления Морено, имеющего отношение к еще одному известному противостоянию, которое происходило в 1931 году между ним и американским последователем Фрейда д-ром А. Бриллем. Морено возражал против использования Бриллем психоаналитической теории для анализа давно почившего Авраама Линкольна, который очевидно не мог ответить своему “аналитику”.

Морено предпочитал смотреть на силу людей, помогать им открывать собственные пути к освобождению от проблем посредством процессов, повышающих спонтанность. Он также был озабочен тем, что сам определял как ригидный детерминизм Фрейда. Морено цитировал из работы Фрейда “Психопатология повседневной жизни”:

“В психической жизни нет ничего произвольного или неопределенного”

[и]

“Исходя из нашего анализа, нам нет необходимости оспаривать право на чувство уверенности, что свободная воля существует. Если мы отличаем сознательную мотивацию от бессознательной, чувство убежденности говорит нам, что сознательная мотивация не распространяется на всю нашу двигательную решимость... Что же тогда остается свободным, когда одна сторона получает свои мотивы от другой стороны, от бессознательного, и детерминизм в царстве психического таким образом осуществляется непрерывно?”

(Freud, 1901, цит. по Moreno, 1946, 1977:102)

Морено не любил эту веру в предопределенность, в которой силы, контролирующие человеческие взаимодействия, определяются или генетической наследственностью или (гораздо сильнее) годами детства.

“Желание найти детерминанты для любого переживания, а для тех детерминант — свои детерминанты, а для этих детерминант еще более удаленные детерминанты, и так без конца, ведет к бесконечной погоне за причинами. Они отрывают от настоящего момента, в котором находится локус переживания всей реальности”.

“Психодрама”. Том 1. (Moreno, 1946, 1977:102)

Морено предпочитал рассматривать индивидуальную способность к спонтанности, которая проявляется через наличие того, что он называл “s-фактором” — силой в человеке, которая не подчиняется закону сохранения энергии, в пику фрейдовской концепции либидо, принадлежащей к миру физики, химии и медицины. (О спонтанности нам еще предстоит поговорить в главе 6.) С годами психоаналитическая теория и клиническая практика развились и стали более совершенными, поэтому следует подчеркнуть, что критика Морено была связана с его восприятием ранних классических техник и теорий Фрейда и его последователей.

Встреча Джейкоба Леви Морено и Зигмунда Фрейда

Описание Джейкобом Морено его недолгой встречи с Фрейдом позволяет лучше понять историческую подоплеку различий между психодрамой и психоанализом. Морено тогда было чуть больше двадцати, а Фрейду — 56 лет. Встреча произошла после лекции Фрейда, посвященной анализу телепатического видения (telepathic dream). Морено расска-

зывает, что Фрейд спросил его, что тот собирается делать, на что молодой Джейкоб ответил:

“Доктор Фрейд, я начинаю с того момента, где Вы останавливаетесь. Вы встречаете людей в искусственной обстановке своего кабинета. Я же встречаюсь с людьми на улице или у них дома, в их естественном окружении. Вы анализируете их сновидения. Я даю им мужество видеть свои сны снова. Вы анализируете их и рвете на части. Я же позволяю им отыграть конфликтующие роли и помогаю снова собрать части воедино”.*

(Moreno, 1989:61)

Морено действительно надеялся склонить на свою сторону прославленного старца, хотя Фрейд не рассчитывал (да и желал ли?) оказать влияние на пылкого молодого Морено, потому что:

“За исключением своего биологического отца я ни для кого не был способен стать “сыном”. В мои молодые годы я старался и рано достиг того, чтобы стать “отцом”. Несмотря на молодость, я был столь же неуступчив, как и Фрейд. Мы оба были “отцами”, правителями — в моем случае, в ожиданиях. Это было так, как будто неизвестный вождь африканского племени встретил короля Англии. Так и здесь, это был один отец против другого. В то время королевство Фрейда было больше моего, но мы оба жили на одной и той же планете”.

(Moreno, 1989:62)

Интересно отметить, что в примечаниях к полному собранию работ Фрейда, состоящему из двадцати трех томов, не нашлось места ни Морено, ни Буберу, ни психодраме.

Психодрама и теория объектных отношений

Энтони Вильямс в своей книге по стратегии психодрамы “Страстная техника” (The Passionate Technique) предположил, что Морено, который никогда не отрицал значимости прошлого или бессознательного, все же больше интересовался попытками понять и разрешить трудности, связанные с отношениями между двумя людьми в происходящих здесь-и-теперь (горизонтальных) встречах, а не проблемами, связанными с далекими переживаниями детства (Williams, 1989).

С другой стороны, согласно Вильямсу, Зерка Морено предпочитала подход, который Вильямс называл “вертикальным”. Этот подход сосредоточивается на прошлом и примитивных переживаниях и может быть назван регрессивным в том смысле, что рассматривает прошлое, собы-

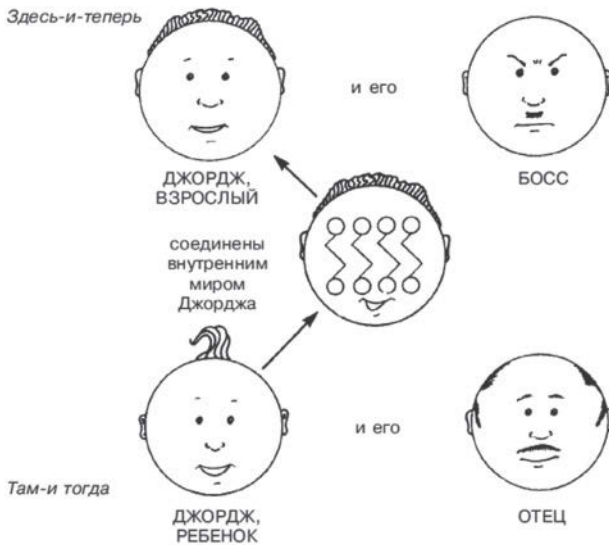


Рис 1.1

тия, произошедшие в детстве, пытаюсь объяснить проблемы в настоящем. В этом отношении Зерка Морено имеет много общего с психоаналитиками и их интересом к прошлому.

Как психотерапевту и психоаналитику мне интересно, каким образом внутренние объекты, ставшие в детстве частью психики, воздействуют на жизнь человека (а временами и управляют ею). Но это не означает, что я (или Зерка Морено, или психоаналитики) видим источник всех проблем в прошлом. (Я вернусь к этому вопросу в главе 2.)

Теория объектных отношений предлагает метапсихологию, объясняющую, как ранние (детские) переживания и взаимоотношения влияют на отношения между людьми в настоящем: две горизонтальные (там-и-тогда и здесь-и-теперь) системы связаны внутренним миром, созданным вертикальной психологической системой индивидуальности (рис 1.1.).

Многие психодраматические сессии переходили от сцен в настоящем к драмам детства. Такая способность интегрировать встречные (горизонтальные) и регрессивные (вертикальные) взгляды на функционирование психики является одной из сильных сторон психодраматической техники.

В следующей главе будет показано, как я использую свое понимание теории объектных отношений, чтобы облегчить свою терапевтическую работу психодраматиста. И хотя я не считаю эту тему "ненужной и бесполезной", все же я искренне прошу вас:

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru